

БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ?*

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

*Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж горевал?..
Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними? «Я воевал».*

*...
Маршал! Проглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
Родину спасшему, ...*

Иосиф Бродский. На смерть Жукова. 1974.

На последней странице рецензируемой книги мы узнаем, что перед нами «Научно-популярное издание. Вся правда о войне... оценки людских потерь Красной армии и вермахта на советско-германском фронте, которые опровергают широко распространенное мнение о чрезмерной цене войны» [Литвиненко 2013]. Из множества этих, как называет их Владимир Васильевич Литвиненко, «фальсификаций и спекуляций, касающихся Великой Отечественной войны», некоторые он считает своим долгом разоблачить:

*«Большие потери в войне – из-за катастрофических просчетов власти;
Армия и народ не хотели воевать за социализм;
Надо было сразу сдаться;
Красная армия не умела воевать;
У Красной армии были бездарные командиры;
Соотношение потерь всегда было в пользу противника».*

Для опровержения этих ошибочных утверждений Владимир Литвиненко тщательно рассматривает несколько десятков оценок военных потерь, сделанных разными авторами, сопоставляя их с результатами статистического исследования коллектива военных ученых во главе с Г.Ф. Кривошеевым «Гриф секретности снят» [Гриф секретности... 1993, далее – ГС 1993]. Поскольку вся аргументация Литвиненко строится на апелляции к этой работе, нам придется в дальнейшем подробно на ней остановиться. Она была проведена в годы перестройки по заданию М. С. Горбачева. О ее выполнении докладывал в 1988 г. министр обороны Язов, обращаясь с просьбой к ЦК партии разрешить опубликовать ее результаты.

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ, ДЭВИС ЦЕНТР РОССИЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГАРВАРДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, США
E-mail: babyonys@fas.harvard.edu

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В СЕНТЯБРЕ 2014 Г.

* В.В. Литвиненко (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече: 288.

БЕЗ ГРИФА СЕКРЕТНОСТИ

Авторы рассказывают:

«В ходе исследовательской работы, которая заняла несколько лет, обобщены тысячи разрозненных, хранящихся в различных архивах отчетных и статистических документов, сделаны соответствующие расчеты и сопоставления. Предпринятый поиск показал, что статистика военных лет, к сожалению, далека от полноты. Скудостью точных сведений отличаются годы гражданской войны и первый период Великой Отечественной войны. Это объясняется тяжелыми условиями, в которых вела боевые действия Красная армия. Нередко информация о потерях утрачивалась, порой ее вообще некому было докладывать...» [ГС 1993].

Книга ГС стала первой серьезной оценкой потерь Красной армии на основе армейских документов. Это не истина в последней инстанции, но большая и ценная работа по обобщению советской военной статистики. Книга содержит сведения о численности солдат и офицеров на разных этапах войны, о призванных в армию, убитых, раненых и больных, умерших от ран, пропавших без вести, демобилизованных по различным причинам, переданных для работы в промышленность и другие организации. Сведения представлены как в суммарном виде, так и в распределении по времени, территориям, отдельным сражениям Великой Отечественной войны.

Возможно не по своей воле, авторы пренебрегли требованиями, предъявляемыми к научной работе. Они не приводят документов, которые использовали, практически не дают ссылок на них, не сообщают ни о количестве, ни о содержании этих материалов, неясна методика обработки сведений, непонятно, какие гипотезы использованы в тех случаях, когда данные отсутствовали¹. Перед нами результат большой и кропотливой работы, результат очень содержательный и интересный, но его невозможно проверить.

Серьезным недостатком работы и в еще большей степени книги ее апологета В.В. Литвиненко является желание ограничиться только списочным составом армии, только зарегистрированными в военкоматах принявшими присягу и находившихся в воинских частях. Столкнувшись с более высокими оценками убитых или военнопленных, Кривошеев и Литвиненко тут же объявляют, что в них, вероятно, учтены не только зарегистрированные красноармейцы, но и ополченцы, сотрудники милиции, партизаны, железнодорожники, строители оборонительных сооружений и прочие гражданские лица. Сколько было их «званных, но не призванных», авторы не знают, и главное, это их и совершенно не интересует. Такой подход представляется неверным. Все, кто взял в руки оружие и боролся с врагом, были защитниками родины, борцами с фашизмом, героями, память о каждом из них необходимо сохранить, их участие в сражениях должно быть зафиксировано. Исключение этих людей из тех или иных рядов, отсутствие интереса к ним будет нарушением правды о Великой Отечественной войне, о реальных потерях нашего народа в этой битве².

¹ Перед нами типичный советский подход. Очень важная книга, но видно, что она написана в советское время советскими авторами на основании советских документов со всеми присущими стране и эпохе издержками.

² Добровольцы вскоре неизбежно становились частью армии. Я знаю историю человека, который записался в ополчение в 1941 г. в Ростове на Дону. Он был ранен, прятался у знакомых во время первой короткой немецкой

К сожалению, изучение потерь рассматривалось авторами ГС не как самостоятельная независимая задача. Важной целью для них была защита чести советского военного мундира, для чего проводится сопоставление полученных результатов с данными о потерях Германии. Уже в предисловии они сообщают: «Эти исследования дают возможность реальнее оценить и роль советского военного искусства в сражениях и операциях», а завершая работу, пишут:

«Агрессия фашизма дорого обошлась и Германии, и ее союзникам. Их безвозвратные людские потери на советско-германском фронте оказались лишь на 30% меньше аналогичных потерь советских войск (8,6 млн. чел - у них, 11,4 млн чел. – у нас). Таким образом, соотношение по безвозвратным потерям составило 1:1,3. Превышение указанных потерь советских войск связано с первым периодом Великой Отечественной войны, в течение которого сказывались фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР и просчеты советского военно-политического руководства, допущенные накануне и в начале войны» [ГС 1993].

Хотелось бы надеяться, что такая политическая направленность не повлияла на результаты исследования.

Суммарные сведения ГС о призванных в армию, убитых, раненых, умерших от ран, демобилизованных, находящихся в госпиталях по годам и для всей войны совпали с точностью до нескольких процентов с результатами демографического баланса мужского населения СССР, рассчитанного на основе переписей 1939 и 1959 г. и опубликованного в 1977 г. [Максудов 1977; Максудов 1993]. Расчет заключался в определении числа мужчин призывного возраста, находившихся на территории, контролируемой советским правительством в 1941, 1942, 1943 и 1944 г. Предполагалось, что мобилизации подлежали почти все военнообязанные мужчины, за исключением небольшой доли белобилетников и забронированных для работы в военной промышленности (7-10%). Призванные попадали в военную мясорубку и становились убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Пропорция между убитыми и ранеными принималась 1:3 (в 1941 г. немного меньше), 70% раненых через несколько месяцев возвращались в строй. Основными исходными источниками для расчета были перепись 1939 г., а также сведения Военно-медицинской энциклопедии, статьи и мемуары российских и западных участников военных действий, интервью с фронтовиками, особенно с военными врачами. Сделанные в расчете допущения нашли убедительное подтверждение в материалах Кривошеева. По данным ГС в Российской Федерации было мобилизовано 22,7% ее граждан³ [Кривошеев 1995: 79]. Это практически все пригодные к службе в армии, судя по переписи 1939 г. [Демоскоп Weekly 2012]. Ресурсы военнообязанных были не просто использованы, а максимально истощены. Не случайно в конце войны в армии резко возрастает доля призванных на освобожденных территориях. В

оккупации города. После освобождения Ростова лежал в госпитале, затем был зачислен в Красную армию в звании лейтенанта. В 1942 г. из части родным сообщили, что он пропал без вести. Где-то в 1944 г. пришло извещение, что он, как тогда писали, «пал смертью храбрых». Неясно, попал ли он в статистику медицинских потерь Кривошеева, когда лежал в военном госпитале, будучи ополченцем, или врачи его в отчетные ведомости не включали?

³ В других республиках положение было намного спокойнее. В Средней Азии и Закавказье было мобилизовано по 17% жителей (в их число входили и русские жители этих территорий). На Украине и в Белоруссии было призвано 12,5 и 12% населения. Среди коренных жителей Прибалтики и Молдавии – меньше 1%.

1941 г. на долю России приходилось 65% всех погибших, в 1942 – 77%, в 1943 – 69,5%, а в 1944 и 1945 г. – 52 и 51% [Кривошеев 1995: 79]. Таким образом, и демографический расчет, и данные Кривошеева показывают, что числа мобилизованных, убитых, раненых и умерших от ран близки к максимально возможным. Это не относится к численности военнопленных, на которой остановимся ниже.

Критикуя множество оппонентов Кривошеева, Литвиненко пользуется постоянно одним и тем же набором аргументов: 1) в численность армий и фронтов, приводимых Кривошеевым, включены не все части, некоторые (меньше дивизии) пропущены; 2) не все мобилизованные попадали на фронт, некоторые отправлялись на работу в промышленность или в войска НКВД; 3) не все воевавшие были красноармейцами списочного состава; 4) маршевые пополнения не всегда добирались до боевых частей. Так, почти в каждом эпизоде Литвиненко вспоминает о 500 тыс. военнообязанных, не дошедших до места назначения, называя их потерями гражданского населения, а не безвозвратными потерями, как это делают критики Кривошеева, а порой и сам Кривошеев [Литвиненко 2013: 21, 49, 50; Кривошеев 1995: 76]. Авторы ГС рассказывают об этом так:

«В первые недели войны, когда в стране проводилась всеобщая мобилизация, большая часть граждан, призванных военкоматами Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик, была захвачена противником в пути следования, то есть еще до того, как они стали солдатами. В учетные документы фронтов (армий) они не попали, но оказались в плену. По справке мобилизационного управления Генерального штаба, разработанной в июне 1942 года, число военнообязанных, которые были захвачены противником, составило более 500 тыс. чел. А если учесть еще 5% граждан, освобожденных по различным причинам от призыва в западных республиках и областях, которые также оказались на оккупированной врагом территории и частично пленными, то общее число военнообязанных и призывников, попавших в плен, составит около одного миллиона человек»⁴ [ГС 1993: 339].

ВЯЗЕМСКИЙ И БРЯНСКИЙ КОТЛЫ

Рассмотрим один из нескольких десятков примеров, разобранных Литвиненко. Речь идет о

⁴ Эта цифра не рассчитана сотрудниками Кривошеева, а взята из Справки Мобилизационного управления Генерального штаба, разработанной в июне 1942 г. Очевидно, Мобилизационному управлению, в конце концов, необходимо было отчитаться перед командованием, куда пропали мобилизованные военкоматами граждане, не обнаружившиеся в воинских частях. Проще всего свалить ответственность на наступающих немцев. Не видно серьезных оснований отнесения названных граждан к числу военнопленных. Учитывая, что речь идет о жителях Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, которых военные действия застали поблизости от родных мест, можно предположить, что 500 тыс. граждан, не дошедших до мест сбора, попали не к немцам в плен, а отправились по домам. С еще большим основанием можно утверждать, что 5% граждан (около 500 тыс.), которых по вполне оправданным опасениям решили в армию не призывать, оказались не в немецких лагерях, а в родном доме, которого они и не покидали. В статистике, которой оперируют сотрудники Кривошеева, практически отсутствует категория дезертиры. Они упоминаются только как осужденные за дезертирство (376,3 тыс.) и не разысканные во внутренних округах (212 тыс.). Совершенно очевидно, что в начале войны в западных округах дезертирство было массовым явлением. Командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов, обвиняемый в разгроме его армий, на вопрос: «Кто виновник прорыва немцев?», - ответил в частности: «На левый фланг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались...» [Россия XX век 1998:467].

потерях Красной армии в так называемом Вяземском котле (немецкое название – операция «Тайфун»)⁵. Литвиненко осуждает мнение исследователей Л.Н. Лопуховского и Б.К. Кавалерчика, утверждавших, что советские войска понесли «сокрушительное поражение», и приводит ряд цитат из книги К. Рейнгардта [Рейнгардт 2010], называя его уважительно «немецкие историки». Рейнгардт пишет, а Литвиненко цитирует:

«Брянский котел оттянул на себя до конца октября основные силы 2-й общевойсковой и 2-й танковых армий. Советские войска, которые 22 и 23 октября прорвали немецкие позиции и в соответствии с приказом Еременко вышли на рубеж Белев, Фатеж, своим сопротивлением в решающей степени парализовали наступление южного крыла группы армий «Центр» и не позволили организовать быстрое преследование⁶. Бои в Брянском котле не принесли немцам желаемого успеха» [Литвиненко 2013].

Желаемый успех принесли немцам танки 2-й армии генерала Гудериана, которые, действуя на южном крыле наступающей немецкой армии, 3 октября захватили город Орел, 6 октября ударом с востока - Брянск, 10 октября подошли к Туле, после чего на некоторое время остановились, но, конечно, не потому, что две недели спустя где-то в сотнях километров позади окруженные войска генерала Еременко приблизились к городам Белев и Фатеж⁷. Не стояли на месте и танки 3-й и 4-й танковых групп, действовавшие севернее. 7 октября взяли Вязьму, 13 октября захватили Калугу, 14 октября - Ржев и Калинин, 18 октября – Можайск [Великая Отечественная война 1985]. Блокировали окруженные армии немецкие пехотные дивизии 2-й армии. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер в своем военном дневнике дважды называет окружение под Вязьмой классическим маневром, такой высокой оценки у него не удостоилась ни одна другая операция [Гальдер 1971: 14, 19, 25]. Историк Александр Некрич обращает внимание на другую сторону этого сражения, участие в нем 12 дивизий московского ополчения:

«Гибель необученного московского ополчения, посланного командованием для отражения удара кадровой немецкой армии, остается одной из самых трагических

⁵ Так часто называют окружение 96 дивизий и 14 бригад (десять из них танковые) Западного, Брянского, Резервного фронтов. В ГС это сражение называется: «Московская стратегическая оборонительная операция. 30 сентября – 5 декабря».

⁶ Было бы любопытно понять, кто и кого не мог быстро преследовать. На западной стороне котла немцы на некоторое время даже потеряли соприкосновение с противником. Выходившие из окружения пытались прорваться на восток, как бы преследуя далеко опередившие их танковые армии Вермахта. Но при этом энергичное сопротивление немцам оказывали дивизии и танковые группы, не попавшие в окружение. Так, под Мценском танковая бригада Катукова из 49 танков, часть из них Т-34, на полтора дня задержала продвижение армии Гудериана, уничтожив около ста немецких танков.

⁷ Окруженные войска сначала не получили разрешения на отступление, затем отчаянно и мужественно пытались вырваться из окружения. Но скоро закончились снаряды, продовольствие и, главное, бензин. Пришлось бросать машины, танки, взрывать реактивные установки «Катюша». На прорыв с запада на восток шли одна за другой волны пехоты, а немцы, засев в построенных против них оборонительных сооружениях, расстреливали наступающих из пулеметов и автоматов. Ликвидация котлов заняла 2-3 недели. 7 октября в окружении участвовали 28 немецких дивизий, 11 октября – 18, 13 октября – 12, а 15 октября – 5. Всего, по расчетам историка Льва Лопуховского [Лопуховский 2008], из Брянского котла вырвались 23 тыс. красноармейцев. Какие потери в этих боях понесли немцы, оценить трудно. Но на всем огромном фронте от Крыма до Прибалтики немцы потеряли с 3 октября по 16 ноября 145 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [Гальдер 1971: 23, 41]. Это примерно в четыре раза меньше, чем потери Красной армии в Вяземском котле по расчетам Кривошеева. Говорить при этом о «тяжелом поражении» армий Центра более чем странно.

страниц истории отечественной войны 1941-1945 годов. По немецким данным (советские источники о потерях не сообщают) немецкая армия взяла в плен под Вязьмой 663 тыс. человек, захватила 1242 танка и 5412 орудий» [Геллер, Некрич. 1982: 97]⁸.

После получения информации о поражении под Вязьмой были объединены не попавшие в окружение соединения Западного и Резервного фронтов, сняты их командующие Конев и Буденный, объединенный фронт и оборону Москвы возглавил Жуков. Из Москвы началась массовая эвакуация военных и гражданских учреждений, выехало в Куйбышев и советское правительство. А 16 октября разразилась паника. Улицы и дороги были запружены транспортом и потоками пешеходов. 19 октября в Москве было объявлено военное положение. В полном соответствии с советской традицией трактовки исторических событий ГС приписывает тяжелое поражение противнику, а утрату десятков дивизий и сотен тысяч солдат именовывает подготовкой к будущим успехам.

*«Результаты операции. В ходе ожесточенных сражений на дальних и ближних подступах к Москве советские войска остановили продвижение главной немецкой группировки - группы армий «Центр» и нанесли ей **тяжелое поражение** (выделено мной С.М.). Были подготовлены условия для перехода в контрнаступление и разгрома врага под Москвой» [ГС 1993: 171- 172].*

Критикуемый Литвиненко С.Н. Михалев подсчитал размеры потерь Красной армии в Вяземской и Брянской оборонительных операциях следующим образом: на 1 октября 1941 г. обороняющиеся соединения насчитывали 1212,6 тыс. человек. Численность соответствующих соединений Западной армии на 1 ноября была 714 тыс. человек. С учетом прибывших пополнений (304,4 тыс.) потери составили 803 тыс., а к 1 декабря достигли 959 тыс. человек, в том числе безвозвратные - 855 тыс. Из них, по-видимому, 663 тыс. оказались в немецком плену [Россия XX век 1998: 487]⁹, примерно 50 тыс. погибли в боях, 144 тыс. были ранены¹⁰, а 175 тыс. ушли в партизаны, пробились из окружения, но не были возвращены в свои части, дезертировали. Используя сведения, собранные Л. Лопуховским, можно предложить следующий баланс изменения численности фронтов: 1213 тыс. - начальная численность, 144 тыс. - раненые, 50 тыс. - убитые (расчет по Кривошееву), 304 тыс. - прибывшие пополнения, 265 тыс. - не попавшие в окружение части, отошедшие с боями на Можайский рубеж, 35 тыс. - вышедшие из окружения. Нехватка (719 тыс.) довольно близка к 663 тыс. попавших в плен по немецкой статистике [Литвиненко 2013]. Разницу составляют дезертиры и оказавшиеся у партизан. Возражения Литвиненко сводятся к следующему.

Во-первых, не учтены военнослужащие, выходящие из окружения Вяземского и Брянского котлов. «Это может быть и 10 тыс. человек, а может и значительно больше» [Литвиненко 2013].

⁸ Добавим, что в Орле армия Гудериана захватила склады продовольствия и горючего, так что две недели могла обходиться без подвоза.

⁹ Публикуя немецкий документ о потерях советских войск пленными, включающий и указанную цифру, составители не выразили своего несогласия с его содержанием.

¹⁰ Посчитано по санитарным потерям в [ГС 1993: 171].

Во-вторых, при выходе из окружения ряд подразделений 3-й и 13-й армий Брянского фронта отходили в полосу соседнего Юго-Западного фронта, ему эти армии и были в итоге переданы. Их численность не учтена в составе Брянского фронта.

В-третьих, значительная часть окруженцев продолжала воевать в составе партизанских отрядов.

В-четвертых, учитывая скоротечность немецких операций по окружению советских войск, часть маршевого пополнения (возможно 100 тыс. или более) относится к 500 тыс. мобилизованных, но захваченных до прибытия в войска военнообязанных, которых Кривошеев в потери Красной армии не включал.

«В целом перечисленные замечания показывают, что безвозвратные потери советских войск на московском направлении в октябре-ноябре 1941 года Михалевым С.Н. завышены, эти замечания не позволяют ни подсчитать конкретную цифру безвозвратных потерь Красной армии в Московской оборонительной операции, ни определить больше ли она цифры Кривошеева Г.Ф. или меньше. Возможно, реальные безвозвратные потери Красной армии в Московской оборонительной операции были выше цифры Кривошеева Г.Ф., но разница не превышает 200 тысяч чел., что составляет менее 2% от общей численности безвозвратных потерь Красной армии и находится в пределах статистической погрешности» [Литвиненко 2013: 42-43].

Мы видим, что «опровержения» Литвиненко носят гипотетический характер. Это всего лишь предположения о возможных расхождениях, не подтверждаемые количественными оценками. Партизаны и находящиеся в окружении никогда не принимались в расчет Кривошеевым. Напрасно Литвиненко вспоминает о 500 тыс. мобилизованных, захваченных немцами. Выше было сказано, что в ГС речь шла о событиях первых недель войны и о западных областях. В данном случае действия происходят в центре страны на четвертом месяце войны, так что апелляция к разбежавшимся по дороге новобранцам совершенно неуместна. Что касается войск, включенных в Юго-Западный фронт, то по данным ГС правое крыло Юго-Западного фронта, участвовавшее вскоре в Московской наступательной операции, насчитывало 5 декабря 1941 г. 80 тыс. человек [ГС 1993: 174-175]. «Примкнувших» было не больше нескольких десятков тысяч (23 тыс. по расчету Лопуховского [Лопуховский 2008]). Но, главное, если Кривошеев прав и из 1 млн 250 тыс. бойцов потери составили 658 тыс. человек, то на Можайский оборонительный рубеж должны были отойти почти 600 тыс. человек. В середине ноября Западный фронт состоял из 6 отошедших с боем армий, численность их в октябре была от 31 до 55 тыс. В Туле в конце октября Жуков, принимавший командование Западным фронтом, обнаружил только штаб 50-й армии и 3 потрепанные дивизии численностью от 400 до 1500 человек [Жуков 1974: 23]. Общая численность войск Западного фронта не превышала, видимо, в конце октября 300 тыс. человек.

Очевидно, понимая несерьезность своих аргументов, Литвиненко вдруг соглашается гипотетически признать расхождение в размере 200 тыс. человек, но тут же замечает, что цифра так мала, что «находится в пределах статистической погрешности»¹¹. Жаль, что

¹¹ К этому утверждению Литвиненко делает следующее замечательное пояснение: «Разница между цифрами безвозвратных потерь Красной армии, полученными Михалевым С.Н. и Кривошеевым Г.Ф., выглядит весомо,

Литвиненко не догадался поставить в знаменатель численность Красной армии или население всей страны, вот уж была бы действительно ничтожная погрешность!

Поскольку ни один из аргументов Литвиненко не снижает размера безвозвратных потерь, подсчитанных Михалевым, больше, чем на несколько десятков тысяч, его результат представляется достаточно достоверным.

ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Не будем рассматривать другие примеры разоблачений Литвиненко, все они используют те или иные аргументы, перечисленные выше. В ряде случаев они представляются верными, в других - неубедительны, но всегда ведут к одному и тому же результату: доказательству правоты авторов ГС. Также Литвиненко постоянно упрекает оппонентов в том, что они рассматривают безвозвратные потери не только списочного состава Красной армии, как это делает Кривошеев, а всех реально боровшихся с гитлеровцами вооруженных сил. Особенно важную роль играет это противоречие при оценке судьбы советских военнопленных.

В ГС численность пропавших без вести определена в 4559 тыс. Она состоит из 4059 тыс. находившихся в плену и 500 тыс. погибших в боях. Погибшие в плену рассчитываются как разница чисел попавших в плен - 4059 тыс. - и освобожденных из плена – 2775,7 тыс. (в том числе 939,7 тыс. повторно призванных в армию на территории Украины, Белоруссии и 1836 тыс. по данным органов репатриации вернувшихся на родину). Таким образом, число не вернувшихся из плена составляет 1283 тыс. человек, куда входят и 180 тыс. военнопленных, оставшихся на Западе. Без них потери военнопленных равны 1103 тыс. человек (27% от побывавших в плену) [ГС 1993: 130-131, 338-339]. За рамками подсчета остались уклонившиеся от повторной мобилизации; вернувшиеся из-за границы, минуя фильтрационные лагеря (вместе с армейскими частями, по фальшивым документам, проселочными дорогами); граждане, не призванные военкоматами, но оказавшиеся в немецких лагерях (строители оборонительных сооружений, личный состав незавершенных воинских формирований, бойцы народного ополчения, служащие местной противовоздушной обороны, милиции, партизаны, железнодорожники и просто советские люди, попавшие под подозрение немецких властей). Также, по сведениям ГС, к числу пленных противником были отнесены захваченные им раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях и учтенные ранее в донесениях наших войск как санитарные потери [ГС 1993: 338-339].

Кривошеев впоследствии включил в категорию без вести пропавших еще миллион человек и получил 5059 тыс. [Кривошеев 1995: 78]. Не совсем ясно, из кого состоит этот, возникший вне баланса призванных в армию и пропавших без вести, миллион.

только когда она выражена в относительных величинах: по Лопуховскому Л.Н. и Кавалерчику Б.К. безвозвратные потери Красной армии занижены Кривошеевым Г.Ф. в Московской оборонительной операции в 1,7 раза. Но если разницу цифр указать в абсолютных величинах, то картина меняется: Лопуховский Л.Н. и Кавалерчик Б.К. упрекают Кривошеева Г.Ф. в занижении потерь Красной армии на 341 тыс. чел., что составляет менее 3% от общей численности безвозвратных потерь Красной армии» [Литвиненко 2013].

Литвиненко, доказывая правильность данных ГС, вносит в них различные поправки и получает разнообразные результаты, иногда противоречащие друг другу. Так, в одном случае, уточняя цифру Кривошеева 1783,3 тыс. погибших военнослужащих списочного состава, после нескольких не совсем верных, на мой взгляд, поправок он приходит к выводу: «Тогда общее число погибших военнопленных списочного состава Красной армии составит 1801,4 тыс. чел.» [Литвиненко 2013: 56].¹² В другом случае Литвиненко решительно заявляет: «Если указанные выше категории потерь учесть, то численность погибших красноармейцев составит 1,1033 млн чел. Это и есть действительное значение числа погибших пленных списочного состава Красной армии по данным Кривошеева Г.Ф.» [Литвиненко 2013: 62].

Представляется справедливой критика Литвиненко сверхбольших потерь военнопленных (4 млн) по оценке В.Н. Земскова. Он, принимая за основу немецкие данные, предлагает к ним добавить 600-700 тыс., поскольку, по его мнению, в начале войны, до отправки военнопленных в тыловые лагеря, их численность немецкой статистикой заметно занижалась. Литвиненко замечает, что данные немецкого историка Штрайта, на которые ссылается Земсков, относятся не к маю 1944 г., а к февралю 1945 г., так что оснований отмечать их возможную неполноту заметно меньше, чем считает Земсков. Также Литвиненко прав, когда говорит, что численность военнопленных в Румынии и Финляндии была небольшой и их учет мало что изменит. Следует также принять во внимание, что немецкое командование в начале войны оценивало численность военнопленных приблизительно, нередко исходя из количества окруженных частей и средней их численности. При этом потери в бою, частичный выход из окружения и бегство из лагерей во внимание практически не принимались. Так, в рассмотренном выше примере окружения под Вязьмой и Брянском командующий немецкой группой армий «Центр» Фон Бок объявил 19 октября результаты операции: «Разгромлено 8 армий, 73 стрелковые и кавалерийские дивизии, 13 танковых дивизий, захвачено 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий, 1009 зенитно-противотанковых пушек. Взято в плен 673098 человек». Совершенно очевидно, что к этому времени никакой подсчет военнопленных не мог быть завершен. Более того, он, вероятно, еще и не начинался, пленных еще гнали многотысячными колонами к местам временного размещения. Не была окончена еще и зачистка Брянского котла, выше упоминалось, что в районе городов Белев и Фатеж в 20-х числах октября вышли из окружения несколько тысяч бойцов 50-й армии Брянского фронта. Историки также отмечают, что гитлеровцы не могли захватить 1277 танков, поскольку их было во всех участвовавших в битве соединениях не больше тысячи. Поэтому оценка численности советских военнопленных в 1941 г. по немецким архивным данным, по мнению современных западных историков, несколько завышена. Лишь в начале 1942 г. немецкое командование обратило внимание на проблему быстро уменьшающейся численности

¹² По ходу расчета Литвиненко сделал следующее удивительное заявление: «Для корректного сравнения с оценками зарубежных исследователей к этой цифре надо добавить 500 тысяч погибших из числа призванных, но захваченных немцами до прибытия в войска военнообязанных» [Литвиненко 2013]. Речь идет все о тех же злополучных несостоявшихся красноармейцах, которые мало того, что практически в каждом расчете играют важную роль, мало того, что все до единого, не дойдя до воинской части, оказались в плену, но оказывается, им и там не повезло, все без исключения в плену и погибли.

военнопленных и отметило необходимость использования их в качестве рабочей силы. С этого времени начинается более точный их учет.

В борьбе за достоверность сведений ГС о численности советских военнопленных и их небольших потерях Литвиненко ссылается и на мою работу. Я действительно, на основании имевшихся у меня в Москве источников, оценивал численность советских военнопленных в 4,3 млн, а их потери в один миллион [Maksudov 1977: 223-265]. Однако оказавшись на Западе, познакомившись с немецкими документами и с работой А. Даллина [Dallin 1957], я изменил свою точку зрения. В книге «Потери населения СССР» [Максудов 1989: 206-210] численность пленных оценивается в 5,7 млн, а их потери в 3 млн человек.

Увеличение Кривошеевым числа военнопленных до 5,049 млн практически устранило противоречие между российскими и немецкими историками, по сведениям которых советских военнопленных было 5,2-5,8 млн человек. Однако осталось серьезное расхождение в оценках числа погибших в плену – 1,103 млн по данным Кривошеева и 3-3,5 млн по немецким архивным данным и оценкам западных ученых. Основное различие приходится на первые месяцы войны.

Чудовищное положение советских военнопленных и их огромная гибель в начале войны общеизвестны. Их безжалостно расстреливали, морили голодом, не оказывали медицинской помощи раненым и больным. Об этом свидетельствуют сотни, тысячи воспоминаний и документов как российских, так и немецких [Скрытая правда войны 1992; Шнеер 2003; Россия XX век 1998; Полян 2002; Нюрнбергский процесс 1966, 1958 -1961].

Были и объективные причины высокой смертности военнопленных. Железные дороги поначалу не работали, автомобильный и конный транспорт не справлялся с доставкой снаряжения быстро наступавшей немецкой армии. Русских солдат нечем было кормить. Приведу лишь один пример. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер 14 ноября, на 146-й день войны, записывает в своем военном дневнике:

«Молодечно: Русский тифозный лагерь военнопленных. 20000 человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестностях, хотя там сыпного тифа и нет, большое количество пленных ежедневно умирает от голода. Лагеря производят жуткое впечатление, однако какие-либо меры помощи в настоящее время невозможны» [Гальдер 1971: 44-45].

Я не сторонник сопоставления данных разных стран, к которым прибегают и Кривошеев, и Литвиненко, и многие другие авторы, слишком различны обстоятельства и факторы, которые при таких сравнениях следовало бы принимать во внимание. Но все-таки я позволю себе сравнить потери советских военнопленных в немецком плену и немецких пленных в советском. Предположим, что три четверти из рассчитанных ГС 1103 тыс. военнопленных погибли в 1941 г., когда по данным Кривошеева попало в плен 2938 тыс. человек¹³. Смертность военнопленных составит в этом случае 28% за полгода¹⁴. Согласно документам Центра хранения историко-документальных коллекций, обработанным

¹³ Более вероятно, что на 1941 г. приходится около двух третей гибели военнопленных. В этом случае потери составляют всего 25%.

¹⁴ Посчитано по [ГС 1993: 146-147; Dallin 1957].

российскими историками, в лагерях НКВД после Сталинграда численность пленных немцев увеличилась с 55 тыс. 1 января 1943 г. до 293 тыс. 1 июля того же года. За это время умерло 220 тыс. немецких военнопленных, то есть 43% от общей численности. Обследование с целью выяснения причин высокой смертности говорит о плохой одежде, очень скудном питании (400 г хлеба для выполняющих норму на 50% и 300 г для неработающих), холодных полуразрушенных бараках. При этом они не подвергались насилию и пользовались медицинской помощью. Рассматриваемый документ свидетельствует, что число пленных в госпиталях варьировалось от 12 до 41 тыс. в месяц [Военнопленные 2000: 1039]. Еще более тяжелым было положение военнопленных, не добравшихся до лагерей. Авторы монографии рассказывают:

«1 марта Л.П. Берия подписывает приказ «О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы», по которому эвакуации в тыловые районы страны подлежали 110,5 тыс. человек, в том числе 78,5 тыс. из Сталинграда. Однако выход приказа опоздал почти на месяц. К этому времени многие из военнопленных уже умерли, у других начались необратимые процессы. В результате выполнения приказа из Сталинграда удалось вывезти только 27295 человек, из районов действия Воронежского и Юго-западного фронтов еще меньше – из 32063 только 6732 человек» [Военнопленные 2000: 30].

Мы видим, что вне лагерей в течение месяца погибло в одном случае 65%, а в другом 79%, а всего за полгода погибло 297 из 624 тыс. немецких военнопленных (48%). Кажется, более страшных цифр не может быть. Но я убежден, что положение советских военнопленных в 1941 г. было еще более тяжелым. Сравнивая потери советских и немецких военнопленных, многое можно было бы сказать о причинах и результатах фашистских злодеяний, но, кроме извращений менталитета и намерения лидеров уничтожить часть славян (например, план «Ост»), у немцев были сложные объективные обстоятельства и первое из них - численность пленных, их было во много раз больше, чем немцев в советском плену после Сталинграда. Можно спросить Кривошеева и Литвиненко: «Считают ли они, что немцы в 1941 г. лучше обращались с советскими военнопленными, чем сотрудники НКВД в 1943 г. с немецкими?» Думаю, что оба решительно ответят «нет!». Но в таком случае возникает вопрос, почему цифры Кривошеева об этом свидетельствуют? Рискну предположить, что реальная численность погибших военнопленных в 1941 г. составляла 1,5-2 млн, а фактические безвозвратные потери составляли около 9,8 млн человек. Следует серьезно разобраться в компонентах баланса расчета потерь военнопленных, приводящего к таким странным результатам. Не преуменьшен ли размер неучтенных потерь на первом этапе войны? В рассмотренном выше примере об окруженных под Вязьмой недоучет, который не смог опрокинуть Литвиненко, составил 340 тыс. человек, а таких окружений было несколько. Надо понять, надежны ли оценки призванных повторно и вернувшихся из плена в конце войны? Как была установлена эта повторность, не со слов ли самих дезертиров и лиц, сотрудничавших с немцами, опасавшихся разоблачений и потому назвавших себя военнопленными? Кроме того, следует оценить, достаточно ли полно учтены люди, призванные в 1943-44 гг. непосредственно в армейские соединения, минуя военкоматы. Обязательно надо подсчитать потери боевых частей, не входивших в списочный состав Красной армии. Понять, какое число людей названных выше категорий оказалось в плену.

Пока на поставленные вопросы нет исчерпывающего ответа, нет оснований пренебрегать немецкой статистикой, намного более достоверно согласующейся с реальным положением дел. Так, в ГС на основании немецких документов сообщается, что на 1 мая 1944 г. было освобождено немцами 823230 советских военнопленных. На 1 января 1945 г. на работе в военной экономике Германии и в лагерях оставалось 1680287 бывших военнопленных [ГС 1993: 334-335]. При максимальной численности взятых в плен 5,8 млн убыль составляет 3,3 млн человек. Такую же цифру потерь приводит А. Даллин (1,3 млн пленных расстреляно и 2 млн умерло от голода, ран и болезней) [Dallin 1957].

БАНКИ ДАННЫХ И ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ

В числе критикуемых Литвиненко работ есть несколько, основанных на возникших в последние годы банках данных. Это картотека Центрального архива министерства обороны (ЦАМО), насчитывающая 12,6 млн сержантов и солдат и примерно 1 млн офицеров, и Центральный банк данных персональных записей о погибших воинах на основании сведений, поступивших от родственников (19 млн карточек). Пока исследователи этих материалов обсуждают общую численность, это не слишком продуктивно. Но проверенные и пополненные картотеки могут стать бесценным средством изучения индивидуальных судеб советских воинов. Каждый город, каждое село, каждое предприятие, школа, завод, университет, семья должны составить и бережно хранить свой собственный синодик пострадавших. Мы должны восстановить судьбу каждого из этих героев, людей, ушедших на фронт и сложивших голову, защищая свой дом и родину. Результаты научного исследования этих материалов должны стать новым этапом решения проблемы военных потерь, включая поиск имен убитых, раненых, оказавшихся в плену и погибших там.

Кроме результатов группы Кривошеева, Владимир Литвиненко берет под защиту оценку потерь населения СССР, сделанную в годы перестройки демографами Евгением Андреевым, Леонидом Дарским и Татьяной Харьковской [Андреев и др. 1993, 1998]. В отличие от книги Г.Ф. Кривошеева — это профессиональное научное исследование. Авторы пользуются апробированными данными, подробно объясняют свой подход и предъявляют результаты, доступные для проверки. Некоторые детали этого расчета могут потребовать уточнений, но это естественная судьба каждого научного исследования. Среди оппонентов Андреева, Дарского и Харьковской, разоблачаемых Литвиненко, достаточно компетентных людей не оказалось. Авторы не слишком хитрыми способами стремятся увеличить предвоенную численность мужчин призывного возраста, а то и всего населения, и уменьшить послевоенную, чтобы получить большие размеры военных потерь. Литвиненко успешно опровергает эти попытки, привлекая в качестве доказательства близость повозрастной численности поколений у Андреева с соавторами и В.С. Гельфанда, ссылаясь на авторитетное заключение демографа Л.Л. Рыбаковского. Справедливо и замечание Литвиненко о важности включения в оценку потерь увеличения «естественной» смертности, вызванного снижением в результате войны уровня жизни населения. Исключение из оценки таких косвенных потерь, возможно, оправдано в других странах, но неприемлемо для СССР, поскольку целью немецкой политики было сокращение советского населения любыми способами. Следует, однако, заметить, что за часть этой «косвенной»

смертности, такую как гибель от голода заключенных в магаданских лагерях, повышенная убыль депортированных народов, резкое снижение качества медицинской помощи в тыловых районах страны, несет ответственность не столько Адольф Гитлер, сколько Иосиф Сталин, или, в крайнем случае, они оба.

Расправившись с критиками Андреева, Дарского и Харьковской, Литвиненко сделал собственные замечания в их адрес. Он упрекнул Андреева и его соавторов в том, что они «практически не учитывали внешней миграции населения СССР в военные и послевоенные годы». Опираясь на сведения, опубликованные В.М. Кабузаном и П. Поляном [Кабузан 1996: 232-238; Полян 2002], Литвиненко считает, что «внешнюю миграцию из СССР в послевоенное время можно оценить в 2,7-3,2 млн чел. (1,2 млн немцев, 0,6-1 млн поляков, 0,4 млн финнов, 0,3 млн японцев, 0,2-0,3 млн прибалтов)» [Литвиненко 2013]. На эти цифры он предлагает уменьшить оценку потерь населения СССР. Однако немцы Восточной Пруссии, финны, японцы были выселены в связи с занятием их территорий, но поскольку в предвоенные годы их численность не учитывалась в населении СССР, их не следует включать в оценку потерь довоенного советского населения¹⁵. Изменение численности прибалтов и поляков в СССР учитывалось Андреевым и соавторами косвенным образом при оценке численности присоединенного к Советскому Союзу населения. Обмен населением между Польшей и СССР включал большое число поляков, украинцев и евреев и, возможно, был учтен ЦСУ, но не исключено, что этот учет был неполным, как и оценка численности населения, присоединенного в 1945 г. На сегодняшний день представляется, что потери населения СССР находятся в интервале 25-29 млн. Практически абсолютное большинство этих потерь понесло население в старых советских границах 1939 г., численность которого составляла в начале войны приблизительно 175 млн человек. Из них 15% погибли на войне.

СРАВНЕНИЕ НЕМЕЦКИХ И СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ

Завершив разоблачение разнообразных критиков Кривошеева и Андреева с соавторами, Литвиненко переходит к рассмотрению потерь Вермахта и соотношения потерь на советско-германском фронте. Желание мериться размерами утрат с противником испытывают и военный министр Язов, и Кривошеев, и Литвиненко, и множество их оппонентов в печати и Интернете. Дело это неблагоприятное. Намерение преувеличить потери противника, а свои преуменьшить отдает комплексом неполноценности. Результат войны общеизвестен: Советский Союз не просто участвовал в разгроме Германии. Его исключительно важная роль в этой победе никогда не отрицалась политиками тех лет и

¹⁵ Я считаю, что пора более четко определить границы страны, в которых следует обсуждать военные потери Великой Отечественной войны. Так, народы Прибалтики участвовали в войне на стороне Германии в большей степени, чем на стороне СССР. Вскоре после начала войны мобилизация в Прибалтике и западных областях Украины и Белоруссии была приостановлена, а призывники отпущены по домам. После оккупации немцы также прибегли к мобилизации граждан Латвии и Эстонии, предлагая альтернативу: поездка на работу в Германию или служба в армии. Так появились латышские и эстонские дивизии СС, стойко сражавшиеся даже после падения Берлина. В силу этого, вероятно, не следует рассматривать Прибалтику как часть Советского Союза в военные годы. Также, вероятно, не следует включать в СССР военного времени территории, присоединенные в 1945 г.

серьезными учеными. Так сложилось, что размеры потерь побежденных полностью зависят от доброй или недоброй воли победителей. И если немецкое население понесло меньшие потери, чем советское, то это свидетельство не столько ошибок советского руководства, сколько преступлений фашистов на нашей земле, заметно превышающих вред, принесенный немецкому народу действиями Красной армии и союзников.

Оценка потерь Германии не нуждается в «помощи» советских историков. Там (в отличие от СССР) еще в 1946 г. была проведена перепись населения, и для ученых были открыты немецкие военные архивы. Поэтому трактовка немецких потерь Кривошеевым (таблица) свидетельствует не столько о реальных потерях Германии, сколько о стремлении к получению нужного результата.

Страны, формирования и виды потерь	Людские потери, тыс. человек
Вооруженные силы Германии	
Вермахт и войска СС	6231,7
<i>В том числе:</i>	
Убито умерло от ран и болезней	2869,3
Пропало без вести	972,8
Попало в плен	2389,6*
Немцы в Вермахте из: Австрии, Судет, Эльзаса, Люксембурга	462
<i>В том числе:</i>	
Убито, умерло от ран и болезней пропало без вести	280
Попало в плен	182
Иностранцы формирования Вермахта (испанские, словацкие, французские, бельгийские, фламандские и др.)	15
Добровольческие формирования Вермахта и войск СС (власовцы, прибалтийские, мусульманские и др.)	215
Итого	6923,7
Вооруженные силы союзников Германии	
Венгрия	863,7
<i>В том числе:</i>	
Убито умерло от ран, пропало без вести	350
Попало в плен	513,7**
Италия	93,9
<i>В том числе:</i>	
Убито умерло от ран, пропало без вести	45
Попало в плен	48,9
Румыния	681,8
<i>В том числе:</i>	
Убито умерло от ран, пропало без вести	480
Попало в плен	201,8***
Финляндия	86,4
<i>В том числе:</i>	
Убито умерло от ран, пропало без вести	84
Попало в плен	2,4
Итого	1725,8
Всего потерь в армиях стран фашистского блока	8649,5

Источник: [ГС 1993: 392].

*Примечания: Из попавших в плен погибли 545,3 тыс.: * - 450,6 тыс., ** - 54,7 тыс. *** - 40 тыс.*

Во-первых, без каких-либо пояснений численность убитых и умерших от ран и болезней немецких военнослужащих в борьбе с СССР принимается равной 2869,3 тыс., военнопленных - 2389,6 тыс., а пропавших без вести - 972,8 тыс. (Неясно, что же обозначает почти миллион пропавших без вести после окончания войны?) Данные немецкого

командования, сведения архивов и оценки серьезных западных ученых определяют потери Вермахта на всех фронтах в 2-2,3 млн убитых и 2,4-2,9 млн пропавших без вести и взятых в плен [ГС 1993: 388-391; Мюллер–Гиллебранд 1976: 334-344]¹⁶. Во-вторых, германские вооруженные силы рассматриваются вместе с союзниками (учитываются даже части добровольцев из Испании, Бельгии, Нидерландов и других стран), в то время как вооруженные силы Польши и Чехословакии (воевавшие в рядах Красной армии), Югославии, Румынии и Болгарии (с 1944 г. воевавшие по соседству), как и добровольцы из Франции и других стран, в расчет не принимаются.

В-третьих, число военнопленных и пропавших без вести в таблице из книги [ГС 1993] (таблица) составляет 4311,2 тыс. Эта цифра не очень сильно отличается от данных Генерального штаба Советской армии: с начала войны к 8 мая 1945 г. численность взятых в плен немцев и их союзников составила 4377,3 тыс. [Военнопленные 2000: 12]. По сведениям Кривошеева немецких военнопленных умерло в советском плену 545,3 тыс.¹⁷, по другим данным - 580 тыс. [Военнопленные 2000: 11]. Разница, очевидно, объясняется тем, что в таблице для немцев Австрии и Эльзаса, и Лотарингии, а также итальянцев и бойцов иностранных и добровольческих формирований отсутствуют сведения о пропавших без вести и погибших в плену. Вычитая из общей численности военнопленных число погибших в плену, получаем 3731 тыс. человек вернувшихся домой. Естественно, их следует исключить из безвозвратных потерь. Так и поступает генерал Кривошеев с российскими военнопленными (4559 тыс. попали в плен, 2775,7 тыс. вернулись в СССР, разница – 1783,3 тыс. – включена в безвозвратные потери). Повторим эти рассуждения для немцев по данным таблицы Кривошеева. Численность пленных, а для Вермахта - и пропавших без вести, равна 4311,2 тыс. Вычитая из этой цифры число погибших в плену (580 тыс.) получаем численность вернувшихся из плена – 3731,2 тыс. Безвозвратные потери Германии равны общим потерям (8649,5 тыс.) минус вернувшиеся из плена (3731,2 тыс.), что составляет 4918,3 тыс. человек. Отношение советских (8668 тыс.) безвозвратных потерь (4918,3 тыс.) к немецким дает 1,8, а не 1,3, как получилось у Кривошеева, когда он не удалял из расчета выживших военнопленных [ГС 1993: 393]. В действительности цифра должна быть еще больше, поскольку всех пропавших без вести австрийцев, венгров, румын, итальянцев и финнов мы не могли выделить из числа убитых, хотя очевидно, что большинство из них в действительности попали в число пленных. Также не были учтены в расчете добровольческие и иностранные формирования Вермахта. И, как отмечалось выше, численность убитых немецких солдат Кривошеевым заметно преувеличена. С учетом этих факторов соотношение может возрасти до 2-2,5.

Однако ни одна из указанных пропорций потерь ни с какой стороны катастрофическим или унижительным результатом не являются. У каждого из этих

¹⁶ Р. Оверсман, немецкий исследователь, увеличивший потери немецких вооруженных сил до 5 млн, относит к потерям на Восточном фронте убитыми всего 1135 тыс. плюс 465 тыс. (две трети от нерасчлененных потерь на Востоке и Западе) [Overmans 1999].

¹⁷ Цифры даны по [ГС 1993: 130-131]. По сведениям работы [Военнопленные 2000: 12] численность пленных 4377,3 тыс., из них 639,6 тыс. были сразу из прифронтовой полосы отпущены домой.

коэффициентов свой смысл и своя правда, но за ними стоит один и тот же результат – победа на войне!

Немецкая армия (и солдаты, и офицеры) была опытная, дисциплинированная, уверенная в себе, хорошо обученная и вооруженная сила. Сравняться с ней в умении воевать и побеждать было очень непросто. Кроме СССР, это не удалось ни одному континентальному европейскому государству. Долгое время не получалось это у Англии. 22 апреля 1941 г. Уинстон Черчилль гневно пенял начальнику генерального штаба по поводу обороны крепости Тобрук в Ливии:

«Надо полагать, что 25 тысяч человек с сотней орудий и обильными запасами в состоянии удерживать сильно укрепленную зону против 4500 человек, коммуникации которых протянулись на 700 миль, даже если эти люди немцы. В данном случае некоторые из них не немцы. Цифры, которые я привел, получены мной от военного министерства. Мы не должны ставить себя слишком низко по сравнению с противником» [Черчилль 2003: 6-7].

А вскоре после этого разноса Тобрук капитулировал. В то же время сдалась самая мощная крепость англичан на Востоке – Сингапур с гарнизоном в 85 тыс., причем Черчилль утверждает, что осаждающих было заметно меньше, чем осажденных.

Советская армия, начиная с 1943 г., сражалась с немцами на равных, а в конце войны и превосходила противника и по стойкости солдат, и по стратегическому мышлению командующих. Но еще в самом начале войны, в первый месяц победоносного наступления Вермахта на СССР, немецкая армия потеряла больше солдат и офицеров, чем за два предыдущих года сражений на Западе [Гальдер 1971: 282, 293-295].

Следует также напомнить, что в безвозвратных потерях важную роль играет численность погибших в плену. И меньшей цифрой немцев, умерших в советских лагерях, по сравнению с численностью погибших советских военнопленных следует не стыдиться, а гордиться, хотя это обстоятельство ухудшает соотношение военных потерь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заметим, что опубликованная в годы перестройки книга коллектива авторов во главе с Г.Ф. Кривошеевым действительно сняла гриф секретности с советских военных документов, рассказывающих о потерях в годы Великой Отечественной войны. Это был большой шаг в изучении реальной военной истории, и сегодня, 20 с лишним лет спустя, ее сведения продолжают интенсивно обсуждаться в научных работах и в Интернете. При этом оценка численности военнопленных и их потерь, сделанная в книге, вызывает все большие возражения.

Попытка В.В. Литвиненко разоблачить исследователей, результаты которых не совпадают с материалами [ГС 1993], не удалась. Его аргументы оказались в большинстве случаев несостоятельными. Представляется, что сегодня необходимо на основании изучения архивных документов и материалов созданных картотек погибших переходить к персональному учету всех людей, боровшихся против фашизма с оружием в руках и погибших в этой борьбе.

Была ли цена победы слишком высока? Конечно, она была огромна. Бесконечно велика. Немыслимое напряжение всех народных и военных сил, стремление каждую секунду к победе, чего бы это ни стоило¹⁸. Людские и материальные потери были неизмеримы. Могло ли быть по-другому? Можно ли было победить иначе?¹⁹ Трудно ответить «да», потому что победа была именно такая и никаких альтернативных вариантов история не предоставила. «Да, воевал» - отвечает Жуков в стихотворении Бродского на вопрос об огромной цене его побед. Высадка англичан и американцев в Европе стала возможной лишь после Сталинграда при отвлечении 75% сухопутных немецких сил на Восточный фронт. Это прекрасно понимал лидер западного сопротивления фашизму Уинстон Черчилль, который писал, что не хотел бы **«хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который будет подтвержден историей, а именно что сопротивление русских сломало хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации»** (выделено мной - С.М.) [Черчилль 2003: 6-7].

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1993). Население Советского Союза. 1922-1991. М.
- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1998). Демографическая история России: 1927-1959. М.
- Великая Отечественная война 1941-1945 (1985). Энциклопедия. М.
- Военнопленные в СССР. 1939-1956 (2000). М.
- Гальдер Ф. (1971). Военный дневник. Т. 3, книга вторая. М.
- Геллер М., А. Некрич (1982). Утопия у власти. Т. 2. Лондон.
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) // Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М: Воениздат.
- Демоскоп Weekly (2012). № 519-520, 20 августа- 2 сентября.
- Жуков Г.К. (1974). Воспоминания и размышления. М.
- Кабузан Н. (1996). Русские в мире. С. Петербург.
- Кривошеев Г.Ф. (1995). Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне / Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Санкт-Петербург.

¹⁸ Операции вроде высадки в Нормандии без Сталинграда и последовавших поражений Вермахта на Восточном фронте были бы невозможны. Высока вероятность, что Англия согласилась бы на почетный мир или возникло бы ядерное равновесие и фашизм закрепился бы в Европе, да и во всем мире, всерьез и надолго.

¹⁹ Был еще французский вариант минимизации потерь: капитуляция и военное сотрудничество с победителем, но для Советского Союза он был невозможен. Невозможен хотя бы потому, что это был бы трагический зигзаг на пути развития человечества. Очень многие позитивные изменения второй половины XX века в этом случае не произошли бы. Не было бы демократизации, либерализации, деколонизации, общества всеобщего процветания. Очень нескоро пробились бы в социальную жизнь идеи гуманизма и прав человека в том виде, как мы их видим сегодня.

- Литвиненко В.В. (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече: 288.
- Лопуховский Л. (2008). 1941. Вяземская катастрофа. М.
- Максудов С. (1989). Потери населения СССР. Chalidze Publications: 298.
- Максудов С. (1993). О фронтовых потерях Советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. № 10.
- Мюллер–Гиллебранд (1976). Сухопутная армия Германии. 1933-1945. М.
- Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7 томах (1958 -1961). М
- Нюрнбергский процесс в 3-х томах. Военные преступления. Преступления против человечности (1966). М.
- Полян П.М. (2002). Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.
- Рейнгардт К. (2010). Поворот под Москвой. М.: Вече: 400.
- Россия XX век. Документы. 1941 год в 2-х книгах. Книга вторая (1998). М.
- Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы (1992). М.
- Черчилль У. (2003). Воспоминания и мемуары. Вторая мировая война. Минск.
- Шнеер А. (2003). Плен т. 1, 2. Иерусалим.
- Dallin A. (1957). German Rule in Russia. 1941-1945. London.
- Maksudov S. (1977). Pertes subies par la population de L'URSS 1918-1958 // CAHIERS DU MONDE RUSSE ET SOVIETQUE. XVIII. №3. Paris.
- Overmans R. (1999). Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. Munchen: 316.